

КОНСТРУИРОВАНИЕ МИРОВ

И. Н. Карицкий

*Московский институт психоанализа,
Москва, Россия,
e-mail: ignikkar@mail.ru*

Исследовано понятие конструктивизма в гуманитарных и социальных науках, прежде всего, в психологии. Показано, что представления людей конструируются на всех уровнях их организации: от биологической и нейрофизиологической до социальной и лингвистической. Указаны основные представители конструктивизма в психологии в России и за рубежом. Рассмотрены ведущие направления конструктивизма в психологии: конструктивизм в узком значении, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм, конструктивный реализм и другие. Более подробно проанализированы конструктивистские взгляды А. Г. Асмолова (праксиологический конструктивизм) и В. Ф. Петренко (эпистемологический конструктивизм). Раскрыто содержание статей, представленных в данном номере журнала, общей тематики конструирования миров, показано многообразие подходов к конструированию миров психологами.

Ключевые слова: конструктивизм, направления конструктивизма, социальные представления, знание, плюрализм, конструирование миров, социальная реальность.

DOI: 10.7868/S1819265318010016

Для цитаты: Карицкий И. Н. (2018). Конструирование миров // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 5–14.

Люди живут в мире представлений, но принимают их за объективную реальность. Уже восприятие обусловлено структурными и функциональными особенностями органов восприятия (Ф. Варела, У. Матурана, Г. Рот, Ж.-К. Табари), перцептивной категоризацией (Дж. Брунер), установками (Д. Н. Узнадзе), личностными и социальными конструктами (Дж. Келли, П. Бергер, Т. Лукман), языковыми категориями (Э. Сепир, Б. Уорф,

Дж. Фишман, Дж. Люси) и т.п., которые определяют, что будет воспринято, как воспринято, через какую сетку категорий, что будет выделено как существенное, отнесено к определенной системе понятий, встроено в систему «реальности» и что будет проигнорировано как несущественное или несуществующее. Эти детерминирующие схемы пронизывают всю психику и определяют ее содержание, процессы мышления, личностные

пристрастия, реакции на события «реальности», поведение и деятельность. Данный эпистемологический подход в современной философии, социологии, психологии, культурологии, в целом в социальных и гуманитарных науках называется конструктивизмом в широком смысле. Его ближайшими предшественниками в западной психологии называют, прежде всего, Ж. Пиаже, в отечественной науке — М. М. Бахтина и Л. С. Выготского. Ряд современных отечественных психологов ведет исследования, опираясь на теоретические и методологические принципы конструктивизма (А. Г. Асмолов, В. В. Знаков, Т. П. Емельянова, В. Ф. Петренко, В. А. Янчук и др.).

Сегодня существует множество направлений конструктивизма, представленных, в первую очередь, в западной науке. В то же время, как отмечает А. М. Улановский, можно говорить о трех основных его течениях: конструктивизм (в узком смысле) в психологии, социологии, философии и педагогике (П. Бергер, Дж. Брунер, Дж. Келли, Т. Лукман, Ж. Пиаже и др.), радикальный конструктивизм (Ф. Варела, П. Ватцлавик, Э. Глазерсфельд, У. Матурана, Г. Рот, Х. Ферстер и др.) и социальный конструктивизм (конструкционизм) (К. Герген, Дж. Поттер, Т. Сарбин, М. Уэзерелл, Р. Харре, Г. Херманс, Дж. Шоттер и др.). (Вместе с тем, следует отметить, что в рамках конструктивизма также выделяют такие общие подходы, как культурный, структурный, реляционный, коллективный, коммуникационный, критический конструктивизм, конструктивный реализм и др.) Конструктивизм в узком смысле при всем разнообразии подходов базируется на представлении не об отражательной (в духе теории отражения или теории копирующей истины), а в основном о конструктивной сути сознания и познания, обусловленности восприятия и понимания мира личностными конструк-

тами, образованными в ходе онтогенеза, и в силу этого на представлении о множественности трактовок реальности, отсутствии объективной и абсолютной истины. В радикальном конструктивизме вообще отрицается возможность отображения действительности в какой-либо форме, живая система сама создает «воспринимаемый» мир в силу специфической структуры организма и нервной системы, знание представляет собой способ организации опыта живой системы. Социальный конструкционизм исходит из приоритета дискурса и intersubъектных отношений в конструировании образа мира и представления личности о себе, существенно, что образ мира и личности формируется в коммуникации, в социальных практиках, в сообществе, является своего рода конвенцией между людьми, а не результатом сугубо личного опыта. Таким образом, общим для всех конструктивистских теорий является представление о том, что знание конструируется, истина плюралистична, а критерием «хорошего» знания является его пригодность (Бергер, Лукман, 1995; Касавин, 2008; Лекторский, 2015; Матурана, Варела, 2001; Петренко, 1988; 2010; Улановский, 2009; Янчук, 2005). В то же время для одних исследователей преобладающей методологической установкой является рассмотрение конструктивизма в плоскости эпистемологии, они отвечают на вопрос: чем является знание. И это эпистемологический конструктивизм. Для других более существенно активное, деятельное преобразование социальной и психической реальности, они стоят на позиции праксиологического конструктивизма, конструирования самой реальности. Хотя оба подхода имеют множество пересечений и общих утверждений.

А. Г. Асмолов строит недеятельную историко-эволюционную парадигму психологии, опираясь на идеи культурно-исторической психологии, целенаправленной деятельности, индивидуали-

зации личности в историческом процессе, конструирования жизненных миров, делания психологией истории, рассматривает образование «как ведущую социальную деятельность», порождающую новые социальные миры и решающую актуальные проблемы современности. А. Г. Асмолов отмечает: «В парадигме неклассического мышления психология выступает как наука о конструировании миров в историко-эволюционном процессе жизни, стремящемся к нарастанию разнообразия», психика должна изучаться как конструктивный фактор самой эволюции, «...предназначение психологии как ведущей науки о человеке, способной конструировать “поле предметных значений” (А. Н. Леонтьев) — особое интересубъективное измерение действительности»; психологию исследователь рассматривает как «конструктивную проектировочную науку, выступающую фактором эволюции общества» (Асмолов, 2001; 2008). Таким образом, конструктивное начало психики автором рассматривается в двух отношениях: 1) как и в конструктивизме, психика (личность) активно строит образ мира, но также 2) психика (личность) конструирует, формирует саму социальную реальность. И второй аспект конструирования для автора является важнейшим, поскольку может быть направлен как в сторону гуманизации, так и дегуманизации общества: психологи, как «мотиваторы конструктивных социальных изменений», способны поддерживать и развивать «культурные практики очеловечивания», социального разнообразия, образцы гуманистического поведения, предлагать «позитивные образы будущего в социализации современных детей и подростков» (Асмолов, Гусельцева, 2016). Соответственно, если конструктивизм в целом по преимуществу является эпистемологией, то в подходе А. Г. Асмолова он является, прежде всего, праксиологией — учением об изменении социальной реальности.

На позициях конструктивизма в психологии с первых своих исследований стоит создатель отечественной экспериментальной психосемантики В. Ф. Петренко. Он пишет, что «основным методом экспериментальной психосемантики является метод реконструкции субъективных семантических пространств», «реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других, самого себя» (Петренко, 1988). В. Ф. Петренко исходит из представления о том, что «что знания не являются... отражением реальности, а конструируются субъектом на основе опыта взаимодействия с миром и зависят от мотивации субъекта познания, языка описания, операциональных средств и т.п., что определяется культурой общества и личностными особенностями субъекта познания, его картиной мира». Автор пишет, что такие понятия, как объективная действительность, истина, «представление о том, что можно изучать нечто, как оно есть “на самом деле”, независимо от позиции интерпретатора, постепенно уступают место таким понятиям, как жизненное пространство (зависимое от системы отсчета), жизненный мир (подразумевающее наличие “пристрастного”, “страдающего” человека), ...множественность истины, адекватность и эвристичность модели взамен самого понятия истины. Эта система методологических понятий, под разными именами активно используемая в квантовой физике и структурной лингвистике, находит реализацию и в гуманитарной науке — как парадигма конструктивизма». Термин конструктивизм «применяется в гуманитарных науках для обозначения теоретических и методологических установок, подчеркивающих роль социальных ценностей и познавательных мотивов в построении картины мира данной культуры, сети научной коммуникации и деятельности научных коллективов

в производстве научных знаний. Как философия познания конструктивизм находится в скептической позиции относительно онтологических представлений классической науки». Согласно методологическому принципу конструктивизма «знания не содержатся непосредственно в объекте (в объективной действительности) и не извлекаются из нее в ходе движения от относительной к абсолютной истине, а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различного рода моделей, которые могут быть как взаимозаменяемыми, так и взаимно дополнительными». С позиции конструктивизма познающий субъект создает модели мира, которые «по принципу кольцевой причинности определяют ту социальную реальность, в которую он погружен». Автор подчеркивает, что идеи конструктивизма постепенно овладевают не только научным сообществом, но и проникают в массовое общественное сознание: люди сознают, что существуют многообразные индивидуальные и групповые конструкты социальной реальности, что ни одна точка отсчета не является избранной и никто не обладает абсолютной истиной. В. Ф. Петренко отмечает, что «даже собственное Я, ощущаемое человеком как безусловно достоверная реальность... в методологии конструктивизма рассматривается как сложная конструкция деятельности самосознания, включающая осознаваемые и бессознательные компоненты» (Петренко, 2010).

Настоящий выпуск журнала «Методология и история психологии» имеет тематический подзаголовок «Конструирование миров» и состоит из статей, авторы которых либо прямо опираются на теорию и методологию конструктивизма, либо вполне солидаризуются с его основными позициями (знание конструируется исследователем на основе определенной категориальной сетки и параметров используемого инструментария; истинность

нового знания определяется через соотношение его с уже существующим знанием, соответствием определенной модели рациональности, эвристичности и пригодности для использования полученных результатов; признание того, что реальность может быть описана иными способами с получением других результатов), либо, оставаясь на позициях реализма, согласны с тем, что конструктивизм составляет неотъемлемый момент психического функционирования и построения научного знания. В то же время основной смысл, который вкладывается в подзаголовок «Конструирование миров» — это показать многообразие научных миров психологии, из которых она сегодня складывается. Выпуск журнала представлен статьями таких известных исследователей, как Г. В. Акопов, В. М. Аллаhverдов, В. А. Мазилев, В. Ф. Петренко, В. А. Петровский, В. А. Шкуратов, А. В. Юревич, В. А. Янчук, интервью с А. Г. Асмоловым, другими материалами.

В статье В. Ф. Петренко «Конструирование истории» психолог стоит в позиции реконструирования сознания людей прошлых эпох. Автором представлен методологический инструментарий экспериментальной психосемантики, позволяющий строить многомерные семантические пространства, которые выступают операциональной моделью сознания на основе выделения его базисных категорий. В. Ф. Петренко показывает, что «конструктивизм в психологической науке содержит несколько базисных составляющих»: идея познания как построения знания; идея о том, что теории не копируют, а моделируют реальность; идея множественности истин и моделей реальности; идея о том, что познание не только описывает, но и творит реальность. В статье исследователь отмечает, что «историческая психология призвана реконструировать дух прошедших эпох, ментальность выдающихся исторических деятелей,

а также и картину мира, обыденное сознание народов, подчас уже сошедших с исторической сцены», эволюцию ментальности разных народов и социальных слоев в ходе исторического процесса, их видение мира. Автор также поднимает проблему переосмысления истории в каждую историческую эпоху. Важной методологической установкой «конструирования истории» является понимание того, что «позиция исследователя, его язык описания, культурные установки и система ценностей имплицитно присутствуют в категоризации, описании» исторических объектов и событий и что «следствием этого положения становится идея плюрализма, множественности различных исторических моделей описания прошлого». Одной из существенных проблем конструирования ментальности людей прошлых эпох с позиции психосемантики является то, что исследователь имеет дело не с живыми представителями изучаемой эпохи, а с различного рода артефактами, проникаясь духом которых он «стремится отрефлексировать ее категориальный строй».

Г. В. Акопов в своей статье развертывает широкое полотно «трансценденции проектов психологии искусства в различных модусах сознания», раскрывая читателю индивидуальные миры исследователей, репрезентированные в частных системах психологии искусства. Как пишет автор, «в качестве универсальной категории психологического анализа явлений искусства» им предложен концепт сознания, содержательно раскрываемый в двухфакторной модели (Акопов, 2010). Г. В. Акопов отмечает, что проект «Психология искусства» Л. С. Выготского направлен на изучение «чистой и безличной психологии искусства безотносительно к автору и читателю», в то же время, он акцентирует внимание на том, что искусство является «социальным в нас», выражает социальные чувства. Мир В. П. Зин-

ченко, преломленный через материал поэзии, представлен категориями «живое знание», «органическая психология», «поэтическое прозрение», «творческий акт», «целостность», «дух», «душа», «смысл человеческого бытия» и др. Поэзия предстает как школа сознания, прозревающая непознанное в его целостности, «искусство на столетия опережает науку в познании». Психологический анализ поэзии В. П. Зинченко релевантен самой поэзии, метафоричен и наполнен тончайшими и глубочайшими смыслами, недоступными рационализму науки.

Продолжая раскрывать многообразие конструируемых реальностей в психологии искусства, Г. В. Акопов обращается к интерпретациям других авторов. Исследовательский мир искусства В. М. Аллахвердова задан, прежде всего, по оси «сознание — бессознательное» с акцентом на приоритете бессознательного, в ходе «общения» с художественным текстом происходит эмоциональное переживание творческого процесса: «восприятие художественного текста имитирует для читателя и зрителя творческий процесс, порождает эмоциональное переживание инсайта, творческого открытия, познания»; «коммуникация и творчество как в самом художественном произведении, так и в читательском восприятии и интерпретациях определяются сложной (парадоксальной) “игрой” художественного сознания и бессознательного и, в конечном счете, трансценденцией эмоционально и идейно значимого содержания из бессознательного в осознаваемую смысловую форму». В. Е. Семенов рассматривает искусство сквозь призму межличностной коммуникации, вводя ее базисные принципы: принцип «личностной совместности художника и реципиента, всех участников процесса художественной коммуникации» и «принцип постоянной взаимной связи искусства и социальной действительности». Перечисленный

ряд психологических реконструкций искусства автор статьи завершает рассмотрением проекта В. Ф. Петренко, представленного, прежде всего, монографией «Психосемантика искусства», в которой утверждается, что произведение искусства представляет собой «специфический текст, который обеспечивает общение двух субъектов», являясь медиатором между сознанием творца и сознанием читателя, зрителя. Будучи хорошо операционализированной методикой, «психосемантический анализ художественного произведения с помощью построения семантических пространств... способствует увеличению степени осознанности художественного текста», выявляет не только явные, но скрытые конструкты автора произведения и их взаимное соотношение. Г. В. Акопов полагает, что конструктивистский подход В. Ф. Петренко «впервые представляет также универсальную инструментальную модель (метод) психологического анализа произведений искусств».

Проблема демаркации научного и ненаучного знания в психологии представлена работой В. М. Аллахвердова. Автором предложены и проанализированы различные критериальные конструкты демаркации: «научным является только эмпирическое знание, только непротиворечивое знание, только практически применимое знание» (другие критерии будут исследованы в продолжении статьи), — и показано, что они недостаточны. Хотя в другой работе автор утверждает: «И все же мне кажется, что существует критерий, с помощью которого можно провести демаркационную линию», — это методологические правила (принципы). «Научной будет такая деятельность, которая построена в соответствии с этими методологическими правилами» (Аллахвердов, 2013). В то же время в настоящей статье автором поднят ряд сложных проблем науки: что является действительно-

стью, истиной, фактом? каково соотношение видимого и реального? как определяется существенное и несущественное в исследовании? Показано, что содержание любого эмпирического исследования, его данные, их обработка и результаты основываются на теоретических предположениях, а факт существует только в рамках категориальной сетки какой-то теории, да и сами понятия — не только результат обобщения эмпирически наблюдаемого, но включают в себя ряд внеэмпирических допущений, в том числе самого общего порядка. Как отмечает В. М. Аллахвердов, «подлинные теории, как правило, конструируют причины наблюдаемых явлений», включают в себя «ненаблюдаемые конструкты». Непротиворечивость научного знания является, с одной стороны, слишком формальным критерием, с другой — в науке существуют теории, «несовместимым образом объясняющие одно и то же явление»: как подчеркивает автор, «наличие противоречий не делает знание ненаучным», «построение полностью непротиворечивого знания» — это утопия. Сложную проблему представляет собой конструкт «научным является только практически применимое знание», поскольку практически эффективным может оказаться любое предположение (ненаучное, ложное), а «для оценки практической эффективности необходима теория». Признавая реальность, В. М. Аллахвердов, вместе с тем, утверждает, что ее теория может быть сконструирована по-разному и описана на разных языках, т.е. придерживается позиции конструктивного реализма (В. А. Лекторский (2015)).

В. А. Петровский предлагает оригинальную версию разрешения психофизической проблемы на основе тщательного исследования релевантных ей понятий, определяя физическое как сверхчувственное и мыслимое, психическое как чувственное и приходя к выводу, что «субъ-

ектом созерцания, переживания, действия» никто не является: «наличие психических содержаний не обязательно означает присутствие наблюдателя, то есть не обязательно существует тот, кому психические содержания даны», «психические содержания для своего существования не нуждаются в существовании “я”». (В то же время в другой работе В. А. Петровский рассматривает, каким образом культурный знак «я» через чувственную презентацию, индивидуальную активность и прообразы «я» превращается в я-подлинное (Петровский, 2010).) Автор конструирует ситуацию порождения психического как «композицию физических явлений, например, волн, порождаемых мозгом, и волн, поступающих извне»: «полагаем, что возникновение психического образа, переживания, интенции и т.п. обязано композиции, как минимум, двух волн, одна из которых определяется процессами, протекающими в теле индивидуума — мы называем ее “принимающей волной” — а другая, мы называем ее “поступающей волной”, имеет своим источником объекты окружения». Определяющей характеристикой физического В. А. Петровский считает его трансферентность — распространение физического за пределы места его порождения с сохранением определяющих его свойств, а психического — нетрансферентность, т.е. «локус возникновения и локус существования психического совпадают, оно существует там и тогда, где и когда появилось, и таким образом не является ни корпускулой, ни волной».

В своем труде «Культура мысли и знание-власть» В. А. Шкуратов конструирует научный аппарат «авторской концепции исторической психологии» (метапсихологической теории), одновременно сквозь призму этого аппарата представляя историю познания на материале европейской культуры (антропоисторику). Статья «написана в русле

авторских теоретизирований относительно социокультурных оснований человеческой психики». Отмечая у себя наличие большого числа новых терминов, автор подчеркивает, что «при видимой словесной избыточности они не были упражнениями в терминологии, а пытались обрисовать системы артефактов, фундирующие психику со стороны социума и культуры, по аналогии с тем, как нейрокognитивные науки делают это со стороны мозга». Авторский проект «исторической психологии складывается вокруг понятий антропокультуры и сапиентного диапазона эволюции». В понятии антропокультуры конкретизирована «идея социокультурных систем порождения психики», «сапиентный» диапазон эволюции представляет собой «срок существования современного (сапиентного) человечества, который совпадает со временем действия... систем психической генерации Человека разумного». В антропокультуре автор наибольшее внимание уделяет анализу «культуры мысли», т.е. такого соционатурального порядка, который развивает «умственные прерогативы человека», и «когитократии» — использованию мыслительной деятельности как обычной практики власти (управлении, основанном на знании). Антропоисторика автором представлена парадигмами Античности (мифоритуальной), средневековой (религиозной), Нового времени (научной) и современной (сочетание истории и психологии) (см. также: Шкуратов, 2009).

Дискуссионная проблема предмета психологии представлена статьей В. А. Мазилова, проблема, к которой автор обращается на протяжении многих лет (Мазилев, 2006; 2014 и др.). Исследователь анализирует современное состояние психологии, отмечая, что многие недавние подходы существенно устарели: «трактовка психики как отражения тоже утратила свое былое значение: в настоящее время термин “отражение”

применим разве что к сенсорным процессам, поскольку уже перцептивный уровень содержит мощную составляющую, которая логичнее объясняется с позиций конструктивизма. Даже методологический статус психологии как науки... в действительности не определен». В то же время В. А. Мазиллов видит вполне позитивные перспективы психологии. Автор полагает, что психология представляет собой единую науку, оспаривая утверждение ряда авторов, что этой целостности нет. Психология является фундаментальной наукой. Автор подвергает сомнению традиционный взгляд, что психология стала самостоятельной наукой во второй половине XIX века, и обосновывает позицию, что она еще не достигла этого состояния. Важнейшим условием ее самостоятельности является новая трактовка предмета психологии. В. А. Мазиллов полагает, что этим предметом является внутренний мир человека. Такой подход «позволяет решить многие проблемы, накопившиеся в общей психологии». «Приоритет в разработке проблемы внутреннего мира как психологического образования в новейшей российской истории психологии принадлежит В. Д. Шадрикову», который «предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта “предмет психологии”». «Внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, имеющую сложную внутреннюю архитектуру, так понимаемый предмет психологии позволяет «осуществить содержательное наполнение предмета, вместили всю психическую реальность в полном объеме» (Мазиллов, 2014). Автором приводятся аргументы, обосновывающие, что такой подход снимает многие нерешенные проблемы психологии.

В статье «Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии

в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия» В. А. Янчук рассматривает проблему «теоретико-эмпирических оснований интеграции психологического знания», анализируя многообразие существующих к ней подходов и приходя к выводу, что такого рода интеграция продуктивна на основе «культурно-диалогической интердетерминистской метатеории». Исходной исследовательской посылкой выступает представление о том, что психологическая феноменология имеет «комплексную био-психо-социальную культурную» гетерогенную динамическую обусловленность. Автором формулируется концепция «четырёхмерности континуумов психологической феноменологии, системобразующим универсальным основанием которых является культура в аспекте конструирования психологической реальности». Основное содержание подхода заключается «в обосновании диалогической интердетерминированности функционального состояния динамических гетерогенных психологических систем в определенных точках пространственно-временного континуума», которое достигается за счет «нахождения баланса взаимодействия сопряженных внутренних и внешних систем, определяющих выживание самой системы в условиях конкретного социального и природного окружения». Согласно В. А. Янчуку, понимание психологической феноменологии возможно за счет учета их многомерности, мультипарадигмального и мультидисциплинарного подхода к ним, «культуризации психологического знания», «выхода за рамки персонотризма» и включение «в плоскость анализа интердетерминирующего влияния эго-протяженности», учитывающей социальное, природное окружение и историко-культурный контекст.

А. В. Юревич в своей работе «излагает и обосновывает методологию коли-

чественной оценки психологического состояния современного российского общества», используя для этого макропсихологический композитный индекс. Как отмечает автор, психологическое состояние общества по своей значимости вполне сопоставимо с его политическим и экономическим состоянием. Если психология традиционно изучала психику, личность, отдельные психические процессы, малые и большие социальные группы, то «макропсихология изучает психологические процессы, релевантные обществу в целом, чем, в частности, отличается от социальной психологии, “заканчивающейся” на уровне больших социальных групп». Композитный индекс конструируется автором на основе первичных индексов: «смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств», «смертности от самоубийств», «заболеваемости психическими расстройствами», «устойчивости семьи», «социального сиротства» и «смертности от убийств». Как показывает исследователь, имеет место высокий уровень корреляции первичных индексов между собой, что позволяет применить их обобщение для характеристики макропсихологического состояния общества. Полученные на основе композитного индекса данные по динамике состояния российского общества в целом соответствуют представлениям социологов, «демонстрирующим его улучшение на протяжении длительного периода и некоторое ухудшение в последнее время, и расходятся с мнением психологов, дающих ему в основном негативные характеристики». В заключение автор отмечает, «что мы живем в достаточно напряженном, в том числе и психологическом плане, обществе», поскольку относимся к транзитивным социумам с множеством негативных факторов, которые приводят к соматизации социальных явлений (см. также: Юревич, 2015).

Тема конструирования реальности, ее предельной актуальности снова

поднимается в интервью А. Г. Асмолова, который показывает, что современный психолог выступает как архитектор изменения ментальности общества и через это становится «мастером социального конструирования». Психология — это наука о жизни и наука об изменении, ученый говорит: «Я рассматриваю психологию в контексте эволюции целеустремленных живых систем и проповедую телеологический подход». Психология сегодня изменяет свой социальный статус, становясь «уникальным междисциплинарным направлением науки», «психология берет на себя функцию социального конструирования реальности». Ученый подчеркивает: «Думаю, что мы уже на пороге супертрансформации и видения жизни как уникального эволюционного потока сознания по направлению персонализации жизни», психология современности находится в координатах «сложности, неопределенности и разнообразия», формируя соответствующие направления психологии, она перейдет от традиционной «психологии языка, задатков и факторов... к языку потенциалов и ресурсов». А. Г. Асмолов замечает: «В эпистемологии нам надо по-другому подумать об интеграции — как о цветущей сложности», необходимо «эпистемологию и методологию науки поставить во главу угла. Это и есть самая практическая психология». Психологи должны «осознать свой статус носителей экспертной власти, наряду с другими экспертами в науках о жизни», «будущее за людьми, готовыми к изменениям», психолог-конструктор через модернизацию образования ведет к трансформации общества, он через конструирование «вариативного, развивающего, смыслового образования» помогает «человеку обрести самостояние», «построить модель желаемого будущего и через эту модель почувствовать себя востребованным в мире». Ученый заостряет свои рассуждения заключением: «Психологи

должны отрефлексировать свою миссию... из-за того, что, если мы этого не сделаем, мы не сможем утешиться формулой “блаженны нищие духом”, потому что они такого натворят, что мы уже не сможем этого ведать» (см. также: Асмолов, 2008; Асмолов, Гусельцева, 2016).

Таким образом, данный выпуск журнала представлен многообразием подходов к научно-психологическому конструированию реальности, психики, сознания, человеческих представлений, построению теорий, выделяющих свою специфическую психологическую феноменологию на основе тех конструктов, которые сформированы с опорой на исходные предпосылки и основания, частично эксплицированные исследователями, но по большей части существующие в имплицитной форме. Статьи данного выпуска отчетливо иллюстрируют тот факт, что сегодня конструктивизм в психологии в явной или неявной форме ясно присутствует в психологических исследованиях и теориях и демонстрирует широкий спектр конструктивистских установок: от мягких подходов конструктивного реализма до радикального и социального конструктивизма.

Литература

- Акопов Г. В. (2010). Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Аллахвердов В. М. (2013). Зачем психологии нужны правила игры в науку // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». № 2. С. 2–17.
- Асмолов А. Г. (2001). Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл.
- Асмолов А. Г. (2008). Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. № 5. С. 3–11.
- Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. (2016). Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе // Мир психологии. № 4. С. 14–28.
- Бергер П. Л., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. М.: Медиум.
- Касагин И. Т. (2008). Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. № 1. С. 5–14.
- Лекторский В. А. (2015). Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. № 1. С. 19–26.
- Мазилев В. А. (2006). О предмете психологии // Методология и история психологии. № 1. С. 55–72.
- Мазилев В. А. (2014). О предмете научной психологии: утраты и обретения // Ярославский педагогический вестник. Т. 2. № 1. С. 266–270.
- Матурана У., Варела Ф. (2001). Древо познания. М.: Прогресс-Традиция.
- Петренко В. Ф. (1988). Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Петренко В. Ф. (2010). Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 5–12.
- Петровский В. А. (2010). Существует ли Я — субъект познания, воли, переживаний? // Методология и история психологии. 2010. Вып. 1. С. 136–148.
- Улановский А. М. (2009). Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. № 2. С. 35–45.
- Шкуратов В. А. (2009). Новая историческая психология. Ростов н/Д: ЮФУ.
- Юревич А. В. (2015). Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки // Вопросы психологии. № 2. С. 32–45.
- Янчук В. А. (2005). Конструктивистский подход в социальной психологии // В. А. Янчук «Введение в современную социальную психологию». Мн.: АСАР. С. 147–161.